

Песни о походах Степана Разина

1.

Что да на матушке на Волге не черным да зачернелось,
Не черным да зачернелось, не белым да забелелось,
Зачернелися на Волге черноморские стружечки,
Забелелися на мачтах тонкие-белые парусочки.
Что не черной ворон гаркнул, что возговорит Стенька Разин:
«Ох вы гой еси, козачье наше вольное собранье!
Вы гребите, не робейте, белых ручек не жалеите,
Нам бы Астрахань-город ополноче быпробежати,
Черноморской городочик, что на утренней на заре,
Чтоб никто нас не увидел и никто бы не услышал».
Как один, братцы, увидел, и один, братцы, услышал.
Господин большой боярин, черноморской воевода:
Шел от ранняя от обедни, велел в колокол звонити,
Велел в колокол звонити во большой, во набатной,
Чтоб стрельцы да собирались, пушкари бы снаряжались,
Они пушки бы заряжали и по Стеньке бы стреляли.
Што возговорит Стенька Разин городскому да воеводе:
«И вы пороху не теряйте и снарядов не ломайте,
Меня пулечка не тронет, меня ядрышко не возмет».
Что метался Стенька Разин на угольную на башню,
Со великова раскату воеводу долой сбросил,
Ево маленьких деток он всех за ноги повесил.

2.

Уж вы, горы мои, горы!
Прикажите-ка вы, горы,
Под собой нам постояти:
Нам не год-то годовати,
Не неделюшку стояти,
Одну ночку ночевати,
И тою нам всю не спати,

Легки ружья заряжати,
Чтобы Астрахань нам город
Во глуху полночь проехать,
Чтоб никто нас не увидел,
Чтоб никто нас не услышал.
Как увидел и услышал
Астраханский воевода.
Приказал же воевода
Сорок пушек заряжати,
В Стеньку Разина стреляти:
«Ваши пушки меня не возьмут,
Легки ружьица не проймут;
Уж как возьмет ли, не возьмет
Астраханска девка Маша».
По бережку Маша ходит,
Шелковым платком машет,
Шелковым платком махала,
Стеньку Разина прельщала.
Стеньку Разина прельстила,
К себе в гости заманила,
За убран стол посадила,
Пивом-медом угостила
И до пьяна напоила,
На кровать спать положила
И начальству объявила.
Как пришли к нему солдаты,
Солдатушки молодые,
Что сковали руки-ноги
Железными кандалами,
Посадили же да Стеньку
Во железную во клетку:
Три дни по Астрахани возили,
Три дни с голоду морили.
Попросил же у них Стенька
Хоть стакан воды напиться
И во клетке окатиться:
Он во клетке окатился —
И на Волге очутился.

3.

Разлилася матя Волга
По широкому раздолью,
Пу усим па мхам, пу балотам,
Па сянным, братцы, пакосам.
Мы устанемтя, рибяты,
Па утру, раным-ранинька,
Мы умыимся, рибяты,
Ключавой вадой халодную,
Мы утремтисся, рибяты,
Тонким белым палатном,
Мы памолимся, рибяты,
Стараверскому чудатворцу,
Мы поедимтя, рибяты,
Ки горыду Астрахану,
Ки горыду Астрахану,
Ки заутрени, сабору!
Нихто нас ня услышитъ,
Нихто нас там ня увидитъ,
Вот и услышитъ, вот и увидитъ
Адна девка-астраханка.
Приказал нам ваявода
Воротики запирати,
На развал пушки катати,
Сеньку Разина стреляти.
«И вы палитя, ни палитя,
И сваей силы ни губитя,
Мяне пушичка ня вобъеть,
Мелкая ружичка ня возьметъ,
А только вобъеть и возьметъ
Адна деука-астраханка,
Вот она мяне ссушила
И живот-серца сукрушила.

4.

Течет Яик быстрехонько.
Урываючи круты бережки;

Желты пески сыпучие все поверху воды, сверх воды несет.
Все поверху-то воды он несет.
Ни сверх было Яика, ни сверх было Горыныча было самого,
Сверх Горыныча было самого.
Не серые гуси там все возгоковали, возгоковали.
Возгоковали. Не черные там,
Черны там три ворона взлетывали, взлетывали.
Из устьяца там выбегали три стружка.
Один из них, стружек, наперед всех выбегал, вперед выбегал.
Вперед он бежит, как сокол летит.
Уж как этот-то стружечек изукрашен был, изукрашен был.
Изукрашен был знаменами он,
Дубовыми весельцами, копиями, ровно лесом, усажен.
Середь этого все стружечушка
Золотой бунчук стоит, а под бунчуком сидит атаманушка,
Атаманушка Степан, по имю Степан Разин.
Уж он громко речь возговорил, он возговорил.
Он возговорил, как в трубу протрубил.
«Уж вы гряньте-ка, ребята, ко городу Гурьеву, да ко Гурьеву,
К крутому его, его бережку.
Мы стружечки причалим и положим сходенки на крут бережок».
И по сходенкам сошел воровской,
Сошел на берег душа воровской атаманушка.
«Вы пойдите доложите своему атаманушке:
Жаловал, мол, к нему в гости Степан Тимофеевич.
Я приехал к вам не пить, не гулять,
Не баталище с вами заводить, а святым храмам поклониться. Поклониться и
молебен отслужить».
Воротички отворились и пустили Стенюшку со ватагою.

5.

Тихохонько сине море становилося,
Ничем наше Каспийское не шевельнулося,
Что осенним ледочком покрывалося:
Замерз-то наш воровской стружок.
Что на том ли на стружке атаман сидит,
Что по имени Степан Тимофеевич,

По прозванию Стенька Разин сын.
Он речь говорит, братцы, как в трубу трубит:
«Ах, вы гой еси, удалы-добры молодцы!
Вы берите еловчатые веселечики,
Вы бейте-пробивайте тонкой осенней лед.
Ах, как бы нам добиться до тихих мест,
Что до той ли до проточинки Червонная,
Что до славного до острова Кавалерского.
Ах, там ли вам, братцы, дуван делить,
Нам отласу и бархату по размеру всем,
Золотой парчи по достоинствам,
Жемчугу по молодечествам,
А золотой казны — сколько надобно».

6.

Соберемся да мы, казаченьки,
Мы, казаченьки, соберемся
Во единый круг, во единый круг.
Во единый круг. Запоем, запоем.
Мы, казаченьки, споем, споем,
Песню новую, невеселую,
Невеселую, что певали-то
Мы, казаченьки, что певали
На синем море на Каспийском,
На Каспийском. Мы на Соколе,
Мы, казаченьки, Соколе,
Черном кораблике, черном корабле.
Черном корабле. Там не песни пели
Мы, казаченьки, пели,
Свое горе мыкали, горе мыкали.
Горе мыкали. Спотешали мы своего
Мы, казаченьки, спотешали
Есаулушку, есаулушку.
Есаулушку. Есаул-то ты наш,
Есаулушка ты наш.
Ты наш родный батюшка.
Родной батюшка. Ты бывал ли, бывал,

Есаулушка, бывал на том
На синем море, на Каспийским,
На Каспийским. Ты видал ли, видал,
Есаулушка, видал такой
Страсти ужаси, страсти ужаси.
Страсти ужаси: Как подула-то
Непогодушка, непогодь подула
Со святой, со святой Руси.
Со святой Руси. Как подернуло
Сине моречко, подернуло
Ледком тоненьким, ледком тоненьким.
Ледком тоненьким. Как подрезало
Все канатушки, подрезало
Все канатушки корабельные.
Корабельные. Понесло Соколика
По синю морю; понесло-то кораблик
На кряж, на Трухменский кряж.
На Трухменский кряж. И ударило.
Наш черный корабль ударило
О каменничек, о каменничек.

7.

Как из славного царства Астраханского
Что не грозная тут туча подымалася,
Подымалась-снаряжалась грозна высылка,
Что разъезд она держит до Кругла острова,
До славного пристанища молодецкого,
До соборищца бурлацкого, до притону ли козацкого.
Козаки там сидя догадалися,
Что во легкие во лодки пометалися,
Одного ли добра молодца покинули,
Что не лучшего ль из молодцев ясаула.
Добрый молодец по острову похаживает,
И он добрую свою фузею за плечам носит,
И он острою своею саблей подпирается,
Сам горючими слезами обливается.
Он вскричал ли, возопил ли громким голосом:

«Государи мои, братцы, товарищи!
Не покиньте доброго молодца при бедности.
Уж как в некоторо время пригожусь, братцы, вам,
Замену я вашу смерть животом моим,
Животом моим и грудью белою!»
Как товарищи от молодца уехали,
Поимали молодца на острове.

8.

Пропьемся мы, мазуры,
Промотаемся;
Мы в косточки, во карты
Проиграемся.
На что-то мы, мазурушки,
Надеемся.
Надеемся, мазуры,
На сине море...
Ничем нас сине море
Не потешило,
Злым несчастьем разудалых
Обнадежило...
Далеким было далеко
Во чистом поле
И еще того подальше —
На синем море,
На синем море —
На Каспийском,
На том Чернотовском славном
Острове.
Не ясны соколочки
Солетались.
Во единый во кружок
Все персидские мазуры
Собирались.
Их не много и не мало —
Сорок семь человек.
Они старые каблищи

Беспаспортные.
Они думали же думу
За едино все:
«Уж кому из нас, ребята,
Атаманом быть,
Атаманом быть,
Эсаулом слыть?
Атаманом быть —
Степану Тимофееву,
Эсаулом слыть —
Ермошке Ермолаеву».
Атаман-от говорит, —
Как во трубы трубят;
Эсаул-от говорит,—
Как во свирель играет.
«Уж и полно нам, ребята,
На море стоять,
Разудалым молодчикам
Разбой держать;
Разбивать все бусы-корабли
Армянски, бусурманские...
Не пора ли нам, ребята,
Возвратиться в Русь,
Возвратиться в Русь
По матушке по Волге вверх?
Мы Астрахань-городочек
Прошли в сумеречки;
Мы Царицын-городочек —
Во глуху полночь;
Мы Камышин и Саратов —
Спели кочеты;
А мы Волжский и Хвалынский —
На белой заре.
Мы Сызрану и Самаре
Не поклонимся,
В Жигулевских горах
Жить остановимся.
Уж мы колышки вколотим
Кипарисовы.

А мы чалочки расчалим
Все шелковые;
А мы шатрики раскинем
Канифасные;
Самоварчики поставим
Позолоченные».

9.

Промеж было Казанью, промеж Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше было города Царицына.
Ис тое ли было нагорную сторонушки,
Как бы прошла-протекла Камышевка река,
Своим усьем она впала в матушку Волгу-реку.
А по славной было матушке Камышевке-реке
Выгребали-выплывали пятьдесят лехких стругов,
Воровских казак;
А на всяком стружечку по пятьдесят гребцов,
По пятьдесят гребцов, воровских казак,
Заплывали-загребали в Коловинские острова,
Становились молодцы во тихих заводях,
Выгулять оне на зеленые луга.
Расставили майданы терские
И раздернули ковры сорочинские;
А играли казаки золотыми оне тавлеями,
Хто де костью, хто де картами, все удалы молодцы.
Посмотрят молодцы вниз по Волге-реке, —
Как бы чернта на Волге зачернеетца,
А идут гребные из Астрахани.
Дожидались казаки, удалые молодцы,
Губернатора из Астрахани, Репнина,
Князя Данилу Александровича.
А на што душа рождена, тово бог и дал,
Подошли те гребные в Коловинские острова,
И бросали казаки оне потехи все,
И бросалися во свои легонски стружки,
Напущалися казаки на гребные струги,

Оне все тутa торговых перещупали,
Оне спрашивают губернатора из Астрахани:
«А токоли он с вами, покажите ево нам,
А до вас, до купцов, удалых молодцов, и дела нет».
Потаили купцы губернатора,
У себя оне спрятовали под товары под свой.
Говорили молодцы, воровские казаки:
«А вы сами себе враги, за что ево спрятовали!»
Обыскали под товарами губернатора,
Репнина князя Данилу Александровича;
Изрубили его во части мелкие,
Разбросали по матушке Волге-реке;
А ево-то госпожу, губернаторску жену,
И со малыми детушкам,
Оне все, молодцы, воровские казаки, помиловали;
А купцов молодцев ограбили,
Насыпали червонцам лехки свой струги,
Пошли по Комышевке-реке.

10.

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала река матушка Камышенка,
Что вела-то за собою берега круты,
Круты-красны берега, луга зеленые,
Она устьицем впадала в Волгу-матушку.
Как по той ли реке матушке Камышенке
Выплывают ли стружечки есаульские.
На стружечках тех сидят гребцы бурлацкие:
Все бурлаки, все молодчики заволжские.
Хорошо все удальцы были наряжены:
На них шапочки собольи, верхи бархатны;
На камке у них кафтаны однорядочны;
Канаватные бешметы в нитку строчены;
Галуном рубашки шелковы обложены;
Сапоги на всех на молодцах сафьяновы,
Они веслами гребли да пели песенки,
К островочку среди Волги становилися:

Они ждали-поджидали губернатора,
Губернатора ли ждали астраханского.
Как возговорят бурлаки тут удалые:
«Еще что-то на воде у нас белеется?
Забелелися тут флаги губернаторски:
Кого ждали-поджидали, того ляд несет».
Астраханский губернатор догадался тут:
«Ой вы гой еси, бурлаки, люди вольные!
Вы берите золотой казны, что надобно,
Вы берите цветно платье губернаторско,
Вы берите все диковинки заморские,
Вы берите все вещицы астраханские».
Как возговорят удалы люди, вольные:
«Как твоя не дорога нам золота казна;
Нам не дорого ни платье губернаторско;
Нам не дороги вещицы заморские;
Нам не дороги вещицы астраханские:
Дорога нам твоя буйная головушка».
Буйну голову срубили с губернатора,
Они бросили головку в Волгу-матушку;
Сами молодцы ему тут насмехались:
«Ты добре, ведь, губернатор, к нам. Строгонек был,
Ты, ведь, бил нас, ты губил нас, в ссылку ссылавал,
На воротах жен, детей наших расстреливал!»